

За шесть лет гласности откровения об ужасах сталинизма приелись и перестали притомлять читающую публику. Гурманы от истории уже сняли пенки с этой расскрепченной темы, и теперь о 37-м годе укризны ради поминуют чаще всего политики. Но оборвать летопись национальной катастрофы не удастся.

На пятом году пересмотра приговоров, вынесенных нашим истребленным соотечественникам, первые истории добрались, наконец, до тех пластов, с которых берет начало эпоха террора "сверху". В распоряжение исследователя попали материалы, датируемые 1920 годом. Об этом времени спето столько звонких песен и сказано столько высоких слов! Помните - гражданская война, зарево революционного пожара, вопрос стоит ребром: или-или и третьего не дано. Так моих ровесников - "шестидесятников" воспитывали "бойцы идеологического фронта". Но вот упал свет и на этот темный угол нашего прошлого. Вспомним только об одной коротенькой жизни, прерванной в том самом романтическом 1920-м.

Анна Маркова, дочь запасного канонира из крестьян Могилевской губернии, закончила в Нарве гимназию и вышла в 1916 году замуж за Сергея Алексеевича Колмакова, служившего в Санкт-Петербурге помощником обер-секретаря III департамента правительствующего Сената. Муж вчерашней гимназистки после мобилизации в германскую войну работал чиновником интендантства.

В 1918 г. С.А. Колмаков из армии демобилизовался, и подхваченный ураганою революции, оказался с женой в Казани. К этому времени на попечении супругов были двое малышей: двухлетний ребенок и новорожденный младенец. В городе хозяйничали красные, и глава семейства зарабатывал на хлеб счетоводом в городской управе. Но вскоре Казань отбили белые. Надо ли говорить, что и по образованию, и по воспитанию Сергей Колмаков, вдвоем хлебнувший хмства революционных низов, был несравненно ближе к офицерству, чем к комиссарам совдепии! Поэтому неудивительно, что после взятия Перми он становится секретарем комиссии Военного контроля в армии Колчака.

Когда Чехословацкий корпус открыл фронт и вышел из войны, белые начали отступление, и вместе с Военным контролем Колмаков эвакуируется в Томск. Здесь и происходит завязка будущей трагедии.

Анна с двумя детьми не смогла следовать дальше и осталась в Томске. Ее муж бежал вместе с Колчаком дальше на восток, но в дороге заболел и вернулся к семье. Так он стал вести жизнь затворника, скрываясь у жены и своего брата.

В обстановке разлуки 22-летней женщине с двумя маленькими детьми на руках и мужем на иждивении надо было

обеспечить семье пропитание. Однако, не имея специальности, найти работу в то смутное время было очень трудно. Анна повезло: по рекомендации знакомого она устроилась на службу в... ЧК. Надо ли объяснять, что не революционный пыл, а горькая нужда толкнула ее за порог этого зловещего учреждения! Так жена беглого офицера стала регистраторшей в канцелярии общего отдела Томской "чрезвычайки".

что устроил Колмакову в ЧК не просто гражданин Кривошеин, служивший в Томской коммандатуре, а бывший белый офицер Кривошеин, и не только бывший офицер, но и член тайной белогвардейской организации, которую возглавлял (кто бы мог подумать!) делопроизводитель юридического отдела Антонов.

Но, может быть, так и было? Все-таки "похлахла гражданская война", о которой мы все знаем из книг и кинокартин со

из вышесказанного, подвергнуть Колмакову А.И. высшей мере наказания".

Сохранилась и выписка из протокола № 27 заседания Томской уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности от 24 июня 1920 г. В ней говорится, что содержащаяся в тюрьме Колмакова обвиняется в принадлежности к белогвардейской организации Гавриловича. Добавим, что никакого Гавриловича Колмакова не знала. (Впрочем, этот человек реально существовал. Сейчас он тоже реабилитирован). Чекисты постановили: "Считать обвинение, предъявленное Колмаковой, доказанным, применить к Колмаковой высшую меру наказания - расстрел".

Под этим документом только одна разборчивая фамилия. Ее поставил технический работник: секретарь Глезина. Остальные участники событий по своему обыкновению остались анонимными.

Хотя до чекистской документалистики томский исследователь репрессий добрался впервые, она показала ему до боли знакомой. То же назойливое выпячивание анкетных "грехов", крошечная бездоказательность, которая выдается за соблюдение законности, пристегивание судеб одних людей к делам совершенно им неизвестных фигур. И, конечно, люта жестокость приговоров.

До сих пор работники МБ РФ называют себя чекистами, как бы отделив ЧК от своих преступных преемников. Но факты не перепутаешь: именно чекисты дали образец фальсификации дел, репрессий над беззащитными людьми, именно они положили начало дьявольской эстафете длиной в 70 лет. И как знать, не желание ли теперешних чекистов обелить людей Дзержинского уменьшило число репрессированных жителей Томской области до 20 тысяч?

Остается добавить, что имя исследователя, поднявшего дело Анны Колмаковой, - Игорь Кузнецов. Этот кандидат наук из Томского военного училища связи, первым в СССР защитивший диссертацию по истории репрессий, прикоснулся к 20-му году, тщательно до этого изучив период 30 - 50-х годов. Скоро должно появиться в розничной продаже его прекрасное глубокое исследование под названием "Знать и помнить", где приводится много драматических подробностей и фактов из истории террора в Томской области и во всем СССР. Это вторая по счету книга И. Кузнецова, посвященная теме репрессий.

Мать двух малолетних детей Анна Колмакова, расстрелянная чекистами в возрасте 22 лет, по смертно реабилитирована Томской областной прокуратурой. А памятник главарю чекистов Дзержинскому до сих пор ласкает взор его преданных почитателей.

Николай КАЩЕЕВ.

ПОЧЕТНО ЛИ ЗВАТЬСЯ ЧЕКИСТОМ?

То ли сама Анна была неосторожна на язык, то ли приключилось иное невезение, но тайное стало явным. И тогда она угодила в ЧК уже совершенно в другом качестве.

В 1920 году началось следствие, подробности которого стали известны современному исследователю только в 1993 году. Процедура была недолгой. Арестованной предъявили обвинение в нескольких "преступлениях". После долгого заперательства она созналась в том, что укрывала мужа. Но с обвинением в принадлежности к белогвардейской организации вышла осечка. Женщина категорически его отрицала, и, как ни старались рыцари революции "с чистыми руками, горячим сердцем и холодной головой", ни одного доказательства вины Колмаковой они не добыли. Впрочем, это нисколько не обескуражило чекистов. На пустом месте они начинают возводить целое здание. И вот выясняется,

злodeями-беляками и красными героями.

Отрешился от эмоций и обратимся к следственным документам. И выяснится, что, как ни "кололи" сидевшую "под расстрелом" несчастную женщину ее бывшие сослуживцы, все, что им удалось из нее вымучить, - это признание, что ее "пытался использовать в этом направлении Кривошеин, который обещал, что ей это зачтется со стороны белогвардейских организаций". Но "пытался" еще не значит "использовал".

Итак, улик не было никаких. Зато был донос или доносы неизвестного содержания от неизвестного лица, имя которого осталось нераскрытым. Сексот сигнализировал, что Колмакова дает белогвардейцам сведения о ЧК. Означало ли это, что она рассказывала затворнику-мужу о своих буднях? Может быть. Супруг Анны, невольно сыгравший в ее судьбе столь злосчастную роль, наверняка жестоко расплатился за свою "неодолимую" тягу к домашнему очагу. От него осталось только стихотворение "Мольба", записанное карандашом на обрывке бумаги и адресованное жене. Вот лишь одно четверостишие из него:

Прости меня! Быть может, очень скоро
Я от тебя уйду без поцелуя рук.
Весны познаю я тяжелые укоры,
"Она" возьмет меня

в свой жадный тесный круг.
Датированы эти строки 25 марта 1920 г. Если под словом "она" поэт подразумевал смерть, то он вряд ли ошибся.

Что же касается Анны Колмаковой, то ее участь решал некий уполномоченный по политическим партиям. В документах этот обладатель неразборчивой подписи своей фамилии на всякий случай не указывал, и исследователям придется потратить время, чтобы установить личность этого человека. Все-таки интересно узнать, кто же это, не имея никаких улик, если не считать уликой донос, начертанный своей рукой: "Предлагаю, исходя